

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

О справедливости термина *безличность* в отношении репрезентируемых им структур следует судить, принимая во внимание как денотативно-семантический, так грамматический планы подобных предложений. Так, если ориентироваться исключительно на синтаксические характеристики и определять личное предложение через наличие в нем номинативного подлежащего, то из исследовательского фокуса безличности уходят предложения языков с отрицательной реализацией параметра *pro-drop* (пример 1), а также периферийные структуры описываемой категории, позволяющие вводить именительные словоформы, которые в протипической коммуникативной рамке данных конструкций не занимают позиции коммуникативного субъекта (пример 2):

1. (англ.) [Expl – Predic(imp-mod) – [CP]] *It is likely that he will be late* [1] ‘Скорее всего, он опоздает (досл. – Оно вероятно, что он опоздает)’, где Expl – эксплетив, Predic(imp-mod) – безличный предикатив модального значения, CP – сентенциальный комплемент.

2. (исл.) [AccNP – V(imp-mod) – NomNP] *Drengina vantar mat* [2, p. 35] ‘Мальчику хочется есть (досл. – Мальчику нужна еда)’, где AccNP – аккумулятивная именная группа, V(imp-mod) – безличный глагол модальной семантики, NomNP – номинативная именная группа.

Интересно, что в исландском при репрезентации подобного рода ситуаций (пример 2) наблюдается тенденция к замене номинативной именной группы на аккумулятивную предложную, что приближает данную структуру к центру категории безличности:

3. а) [DatNP – V(imp-emo) – NomNP] *Mér líkaði lífið á Spáni* ‘Мне нравилась жизнь в Испании’ [3], где DatNP – дативная именная группа, V(imp-emo) – безличный глагол эмоционального состояния.

б) [Ø – DatNP – V(imp-emo) – AccPP] *Mér líkar við karakterinn og vinnusemina í Íslendingunum* ‘Мне нравится характер и трудолюбие исландцев’ [3], где Ø – нулевое подлежащее, AccPP – предложная аккумулятивная группа.

С другой стороны, если отождествлять бессубъектность с безличностью, сосредотачиваясь лишь на вопросе односоставных метеорологических предложений, представляющих собой нерасчлененное субъектно-предикатное единство [4, с. 15] (пример 4), то игнорируется, во-первых, пациентивно-стихийный тип безличных предложений (пример 5), в денотативной структуре которых обнаруживается неодушевленный субъект-каузатор, произвольное воздействие которого обязательно направлено на некоторый объект [5, с. 234], во-вторых – экспериенциально-модальный тип, денота-

тивную структуру которого отличает наличие семантического субъекта как носителя предикативного признака – носителя состояния, неакционального по своей природе [6, с. 110]:

4. (лит.) [\emptyset – Adv_t – V(imp-wea)] *Šiandien visą dieną lyja* ‘Сегодня целый день идет дождь (досл. – дождит)’ [7], где Adv_t – обстоятельство времени, V(imp-wea) – безличный метеорологический глагол.

5. (рус.) [\emptyset – InstrNP – V(imp-elem) – AccNP] *Волнами унесло весло* [6, с. 110], где InstrNP – именная группа в творительном падеже, V(imp-elem) – безличный глагол стихийного события.

6. а) (бел.) [\emptyset – DatNP – V(imp-phys) – AccNP] *Мне абветрыла губы* [8, с. 13] ‘У меня обветренные губы’ (досл. – Мне обветрило губы), где V(imp-phys) – безличный глагол психофизического состояния;

б) (англ.) [Expl – V(imp-emo) – O_d – [CP]] *Because it shamed him that he'd had things so easy* [1] ‘Потому что ему было стыдно за свою беспроблемную жизнь (досл. – Потому что оно стыдило его, что <...>’, где O_d – прямое дополнение.

Более того, в случае экспериенциально-модальных конструкций (примеры б) следует провести разграничение между субъектом-каузатором состояния – конкретным (сентенциальный комплемент *that he'd had things so easy*) или неопределенным, неясным (заключенном в форме глагола-сказуемого *абветрыла*) – и субъектом как носителем такого каузируемого состояния (выраженным именными группами *мне, him*). Также требуется учесть их взаимоотношения в двух- и трехчленных структурах, где одушевленный участник демонстрирует совмещение субъектно-объектных значений: «объект воздействия <...> становится субъектом каузированного изменения» [6, с. 108].

Имея в виду вышесказанное, следует приступить к теоретическому рассмотрению субъектно-объектных закономерностей различных типов безличности, встречающихся в индоевропейских языках.

Первый тип безличности образуют метеорологические предложения (пример 4). Отсутствие подлежащего как невозможность его введения в данную безличную схему не тождественно отсутствию субъекта на мыслительном, или денотативном уровне. Явление, существующее «само по себе», интерпретируется подобным образом благодаря особому оформлению предикативного признака и связанных с ним синтаксических групп [9, с. 78], что, однако, не означает, что источник устранен из мысли, так как акт предикации всегда должен осуществляться по отношению к субъекту. Предикат в такого рода предложениях соотносится с субъектом, находящимся «вне предложения» [10, с. 143], и обнаруживает его посредством формы своей языковой манифестации – глагольной лексемы, в которой заключен грамматический показатель субъекта [4, с. 14]. В одной словоформе, выступающей в роли сказуемого, заключено синкретическое представление субъекта и предиката, поскольку такая «позиция грамматического субъекта исключает компонент личности, конкретности и вообще любой семантической конкретизации» [4, с. 15].

Вторым вопросом, связанным с метеорологическим типом, выступает максимально обобщенная природа референта такого выводимого субъекта-каузатора. Согласно В. М. Павлову, несмотря на отвлечение от «источника грамматической мысли» [9, с. 79] в структурной схеме предложения, заключенный в безличном сказуемом признак, обнаруживаемый в темпорально-модальной парадигме в качестве фиксированной внепарадигмальной безличной формы, предцирует содержание предложения внешнему миру, противопоставленному миру коммуникантов [Там же]. Имплицируемые безличной семантикой онтологические компоненты (небо, воздух и т. д.) или внешняя среда целиком не являются субъектами описываемого процесса, а условиями его протекания (примеры 7), конкретизируемые в пространственно-обстоятельственных лексемах (*в небе, lauke, у акенцы*) или же в качестве некоторого абстрактного «деятеля» (*the skies* в личном предложении в английском, *nóttin* в безличном предложении в исландском) (примеры 8), который, тем не менее, также осознается в качестве метафоризированного «локализатора» [9, с. 86] описываемого процесса:

7. а) (рус.) [Adv_{pl} – Ø – V(imp-wea)] *В небе (над морем, горизонтом) полыхает* [9, с. 86], где Adv_{pl} – обстоятельство места;

б) (лит.) [Adv_{pl} – Ø – V(imp-wea)] *Lauke pusto* [11, р. 270] ‘На улице метет (о снеге, песке)’;

с) (бел.) [Adv_{pl} – Ø – V(imp-wea)] [12] *У акенцы патроху святлела* ‘В окошке потихоньку рассветало’.

8. а) (англ.) [NomNP – V_{3pl} – O_d] *The night the twins came to our town, the skies rained ice* [13, р. 6] ‘В ту ночь, когда в наш город прибыли близнецы, с неба падал дождь со льдом’, где V_{3pl} – глагол третьего лица множественного числа;

б) (исл.) [Adv_t – Ø – AccNP – V(imp-wea)] *Þá nóttin dimmir, draugar vakna* [14] ‘Темнеет – просыпаются призраки (досл. – Затем ночь темнеет, призраки просыпаются)’.

Далее, рассматривая безличные метеорологические предложения, образованные с помощью предикативов и неакциональных глаголов, можно отметить их отличие от динамичной, глагольной интерпретации метеорологических явлений и прийти к выводу, что они обозначают «обстоятельственные состояния» [15, с. 160] природы и среды и потому обнаруживают внешнюю среду в качестве «недеятельного» носителя предикативного признака [9, с. 88]. Об этом также свидетельствует способность некоторых из них обозначать физическое состояние человека, делаясь частью «внутренней среды»:

9. а) (бел.) [Adv_{pl} – Ø – Predic(imp-wea)] *У зямлянцы стала пуста і холодна* [12] ‘В землянке стало пусто и холодно’, где Predic(imp-wea) – безличный предикатив, обозначающий состояние окружающего мира → [Ø – DatNP – Predic(imp-phys)] *Ужо днела, але Галі было вельмі холодна* [12] ‘Уже занимался день, но Гале было очень холодно’, где Predic(imp-phys) – безличный предикатив, обозначающий физическое состояние человека;

b) (исл.) [\emptyset – V(imp-wea) – DatNP] *Kominn var maí og farið að hlýna í veðri* [16] ‘Наступал май, и погода становилась все теплее (досл. – начинало теплеть у погоды)’ → [\emptyset – DatNP – V(imp-phys)] *Mér hlýnaði smátt og smátt við arineldinn* [16] ‘Мне постепенно удалось согреться у камина (досл. – Меня согрело с камином)’, где V(imp-phys) – безличный глагол категории состояния.

Пациентивно-стихийная конструкция составляет второй тип безличности. Ее денотативная структура, образованная сопряжением таких компонентов, как «стихийный каузатор – произвольное воздействие – объект воздействия» [15, с. 107], реализуется в языке посредством следующих вариаций: двухчленной, обозначающей ситуацию произвольного движения неодушевленных предметов (примеры 10), и трехчленной, в которой получают актуализацию все три обозначенных выше элемента (примеры 11):

10. a) (рус.) [\emptyset – GenNP – Adv_{pl} – V(imp-inv.mov.)] *Ни облачка на небе не бродило* [5, с. 31], где GenNP – именная группа в родительном падеже, V(imp-inv.mov.) – безличный глагол произвольного движения;

b) (исл.) [\emptyset – AccNP – V(imp-inv.mov.) – Adv_{pl}] *Bátinn rak út á haf* [16] ‘Лодку отнесло в море’.

11. a) (рус.) [\emptyset – GenNP – V(imp-elem) – InstrNP] *Его засыпало подарками* [17, р. 105], где V(imp-elem) – безличный глагол, обозначающий стихийное явление, InstrNP – именная группа в творительном падеже;

b) (исл.) [\emptyset – AccNP – V(imp-elem) – AccPP] *Reykinn lagði um húsið* ‘Дом наполнился дымом’ (досл. – Дымом наполнило дом) [3], где AccPP – аккузативная предложная группа.

Особенность данных предложений заключается в так называемой косвенной субъектности стихийного каузатора [18, с. 47] (словоформы *подарками*, *reykinn* в примерах 11), выводимой на основании следующих причин: слияния в данном элементе семантических ролей орудия и причины, отсутствии намеренности, признаков личности, в связи с его неодушевленной природой, и «актуализации признака потенциальной энергии» [18, с. 47], ассоциированного с творительным падежом. Объект произвольного воздействия (*ни облачка*, *bátinn* в примере 10, *его*, *um húsið* в примерах 11) получает однозначную пациентивную интерпретацию ввиду акциональной природы задействованного предиката.

Третьим типом безличности выступает экспериментально-модальная конструкция. Категориальное значение двухчленной вариации данного типа, складываемое из таких семантических компонентов, как ‘произвольность’, ‘неволевитивность’ и ‘неконтролируемость’, конструируется посредством «интерпретационного элемента объектности» на «денотативно-понятийную субъектность» [18, с. 62], в поверхностной структуре реализуемого с помощью дополнений в косвенных падежах типично в позиции коммуникативного субъекта:

12. а) (исл.) [\emptyset – DatNP – V(imp-phys)] *Sjúklingnum hrakaði stöðugt* [16] ‘Больному постоянно становится хуже’ (досл. – Больному худшеет постоянно);

б) (бел.) [\emptyset – V(imp-emo) – LocPP] *Цэлы дзень скрабе на душы* 8, с. 605] ‘Целый день скребет на душе’, где LocPP – предложная группа в локативе;

с) (лит.) [\emptyset – DatNP – V(imp-happ)_{refl}] *Kodel jam taip sekasi?* ‘Почему ему так везет?’ [11, р. 271], где V(imp-happ)_{refl} – возвратно-безличный глагол событийной семантики.

Таким образом, одушевленный компонент данной структуры обнаруживает совмещение не только ролей объекта действия и субъекта состояния в превербальном элементе, но и функции субъекта суждения и коммуникативно-прагматического субъекта, образуя сложный функциональный комплекс с элементами субъектности на уровнях логической пропозиции, актуального членения и грамматической объектности [18].

Несмотря на возможную невыраженность второго члена отношения, экспериенциально-модальная безличная структура всегда репрезентирует двустороннее денотативное отношение воздействия между субъектом (источником) каузирующего воздействия и субъектом каузированного состояния, переживающего его и дающего ему оценку. При языковом представлении описываемого положения дел источник такого воздействия «выводится из поля зрения» [9, с. 83]: он может быть опущен в структуре предложения, а может представлять собой компонент разнообразных структурных схем, будучи эксплицирован в качестве группы, оформленной косвенными падежами, инфинитивным или сентенциальным компонентами:

13. а) (исл.) [\emptyset – AccNP – V(imp-phys) – DatPP] *Mig klígjar við matnum* ‘Меня тошнит от этой еды’ [19, с. 363];

б) (бел.) [\emptyset – DatNP – V(imp-cogn) – [CP]] *Мне спачатку прыдалося, што ён намнога старэйшы* ‘Мне сначала показалось, что он намного старше’ [12, с. 511], где V(imp-cogn) – безличный глагол ментального состояния;

с) (лит.) [\emptyset – AccNP – V(imp-phys) – GenPP] *Gerklę peršti nuo dūmų* ‘От дыма у меня першит горло’ [11, р. 270], где GenPP – генетивная предложная группа;

д) (англ.) [Expl – V(imp-cogn) – O_d – N-FV_{inf}] *It keeps me wide awake to think of my problems* [20, с. 137] ‘Мне не спится, когда (я) задумываюсь о своих проблемах’ (досл. – Оно не дает мне уснуть <...>).

Языковая концептуализация, ассоциированная с данным типом безличности, обеспечивает, с одной стороны, понижение ранга мыслимого субъекта за счет его безличного кодирования, с другой – сохраняет связь предизируемого признака и его носителя как субъекта каузированного состояния, располагаемого в позиции коммуникативно-прагматического субъекта. А. В. Бондарко также отмечает, что связь, устанавливаемая между такого рода носителем предикативного признака и предикатом, является не координацией, а управлением [18, с. 61], и является связью формальной, служащей объектной интерпретации субъекта и «совместимой со «стоящей выше» функцией предикативного отношения» [18, с. 63].

Т. Б. Алисова также отмечает нетождественность субъектно-предикатных отношений на каждом из уровней безличного предложения. В плане грамматическом косвенная именная группа не занимает место грамматического субъекта – «форму выражения предикативных отношений» [4, с. 17] – то есть не способна вступать в предикативные отношения с грамматическим предикатом, поскольку форма его лексемы указывает на иной грамматический показатель субъекта, в некоторых случаях возможный к манифестации: *Мне нравятся груши* [4, с. 17]. Однако с точки зрения семантического плана, косвенная именная группа выступает в качестве субъекта, образующего семантико-функциональные отношения с глагольной лексемой: так, косвенное дополнение способно соотноситься с говорящим и изменяться по лицам, демонстрируя случай так называемого «синтаксического спряжения» глагольной лексемы, которая им управляет [4, с. 18]. Способность субъектной именной группы изменяться по лицам на уровне предложения позволяет выйти самой структуре за рамки абсолютной безличности [15, с. 104], наблюдаемой в сфере метеорологических конструкций, демонстрируя случай «синтаксического спряжения» как соотнесения глагола с полной парадигмой лиц в рамках предикативной сопряженности [15, с. 104].

Таким образом, концепции отечественных языковедов свидетельствуют о необходимом комплексном анализе феномена безличности, денотативные и синтаксические противоречия которого являются конституирующими в отношении его категориальной семантики. Так, в метеорологических предложениях, в зависимости от средства выражения предикатного ядра, среда выступает и как носитель обстоятельственного состояния (в случае сказуемого-предикатива и глаголов категории состояния), и как локализатор происходящего метеорологического процесса (в случае акциональных глагольных лексем). В свою очередь, безличная структура пациентивно-стихийного типа предполагает наличие обязательного объектного компонента, воздействие на который направлено со стороны стихийного каузатора, обладающего значением косвенной субъектности, в то время как в экспериенциально-модальных предложениях носителем состояния и - объектом каузирующего воздействия выступает человек, а внешний и внутренний мир представляются как реальными и возможными к экспликации, так и максимально отвлеченными каузаторами этого состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access: 25.02.2020.
2. *Onishi, M.* Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and Properties / M. Onishi // Non-canonical marking of subjects and objects. Typological studies in language. – 2001. – Vol. 46. – P. 1–53.
3. *Risamálheildin* (2018) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://malheildir.arnastofnun.is/?mode=rnh2018>. – Date of access: 16.02.2020.

4. *Алисова, Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т. Б. Алисова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 292 с
5. *Золотова, Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Едиториал УРРС, 2006. – 440 с.
6. *Золотова, Г. А.* Понятие личности/безличности и его интерпретации / Г. А. Золотова // *Russian Linguistics*. – 2000. – Vol. 24. – P. 103–115.
7. *Lithuanian Web 2014 (ItTenTen14)* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://app.sketchengine.eu/#concordance>. – Date of access: 03.08.2020.
8. *Суднік, М. Р.* Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
9. *Павлов, В. М.* Субъект в безличных предложениях / В. М. Павлов // *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность* / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1992. – Гл. 1. – С. 71–100.
10. *Смирницкий, А. И.* Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 284 с.
11. *Ambrasas, V.* Lithuanian grammar / V. Ambrasas. – Vilnius : Baltų kalbų leidyba, 2006. – 802 p.
12. *Беларускі N-корпус* [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info>. – Дата доступу: 04.08.2020.
13. *Levin, B.* Talking About the Weather: A Case Study of Precipitation Verbs / B. Levin [Electronic resource]. – Mode of access: <http://docplayer.net/Talking-about-the-weather-a-case-study-of-precipitation-verbs>. – Date of access: 20.02.2020.
14. *Timarit.is* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://timarit.is>. – Date of access: 01.03.2020.
15. *Золотова, Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 352 с.
16. *Íslensk nútímamálsorðabók* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://islenskordabok.arnastofnun.is>. – Date of access: 15.02.2020.
17. *Fried, M.* Agent back-grounding as a functional domain: Reflexivization and passivization in Czech and Russian / M. Fried // *Demoting the agent: passive, middle and other voice phenomena; Linguistics Today*. – 2006. – Vol. 96. – P. 83–111.
18. *Бондарко, А. В.* Субъектно-предикатно-объектные отношения / А. В. Бондарко // *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность* / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1992. – Гл. 1. – С. 29–71.
19. *Берков, В. П.* Исландско-русский словарь / В. П. Берков. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – 1032 с.

20. *Березина, О. А.* Классификация моделей глагольного безличного предложения в современном английском языке / О. А. Березина // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та.* – 2014. – Т. 1, №. 2. – С. 133–140.